

Приложение

Н. И. Зибер и А. Е. Назимов
(Из воспоминаний старого профессора)
(Элегия в прозе)

А он не дождался минуты сладкой:
Под бедною походною палаткой
Болезнь его сразила... И с собой
В могилу он унес летучий рой
Еще незрелых, темных вдохновений,
Обманчивых надежд и горьких сожалений.

М. Ю. Лермонтов. Памяти Одоевского

Когда я вспоминаю свою давнюю аудиторию и своих слушателей, из среды последних выдвигаются две яркие фигуры, столь мне памятные и симпатичные: Н. И. Зибер (1844—1888) и А. Е. Назимов (1852—1902), студенты разных выпусков: первый оканчивал университет в том году, в котором второй начинал. Это были два типа крайне противоположные: различного темперамента и мировоззрения, различного воспитания, неодинаковых нравов и привычек, даже различной национальности. Н. И. Зибер не был славянином: он был швейцарцем по отцу и сам числился всегда швейцарским подданным, а мать его была полуженка. Родился он в Судаке, а молодость его проходила в живописной Ялте, где море Черное шумит не умолкая. Это была натура нервная, глубоко впечатлительная, с которой не всегда мог справиться его уравновешенный довольно положительный ум. Он как-то трепетно и лихорадочно относился к явлениям жизни и к вопросам науки, представлявшейся ему царственною богиней, у ног которой он готов был повергаться ниц с постом и молитвой. Чистокровный идеалист, он неспособен был ни к какой сделке и компромиссу: брезгливо и нетерпимо он относился ко всему, что не подходило под его чисто пуританские требования. Своей особой он напоминал растение «не тронь меня», которое сжималось и закрывалось от всякого к нему прикосновения.

Совершенно другого рода личность Назимова. Истый россиянин, псковский столбовой дворянин, он наделен был всеми плюсами и минусами своего благородного сословия. Эпикурец и немножко Обломов, он любил науку, но подчас изменял ей ради других благ мира, к которым был равнодушен. Колкий и остроумный, он осыпал своими сарказмами не только своих товарищей и знакомых, но и собственную свою персону за свою склонность к «обломовщине» и «эпикуреизму». Но как ни различны были между собой изображенные нами типы, им свойственна была одна общая черта: сильный и пытливый ум, жажда просвещения и познаний, способность к научным занятиям. А потом их сблизила преждевременная утрата обоих для русской науки, для которой они не успели совершить всего того, к чему были способны. Когда они сидели еще на студенческой скамье, я предугадывал, что из них выйдут выдающиеся русские ученые. Предвидение меня не обмануло. Зибер, живя в Берне, работал для русской науки, которую обо-

гатил рядом ценных исследований: Назимов был блестящим профессором Демидовского лицея и Новороссийского университета, и как ни мало написал он, это немногое запечатлело оригинальной мыслью и мастерством истинного таланта.

Мои воспоминания о Зибере особенно оживились во время моего пребывания в Ялте, где я имел случай познакомиться с сестрой покойного Софией Ивановной, проживающей в материнском доме, на Церковной улице. Когда я беседовал с этой достойной, просвещенной особой, в моей памяти воскресал образ студента Зибера. Мне ясно выделялись его симпатичное лицо, его русая шевелюра и рыжеватая борода, его то вспыхивающий, то потухающий румянец, сообразно тому внутреннему интересу, который возбуждал в нем данный предмет. Аккуратнейший посетитель моих лекций, особенно по иностранному государственному праву, которое в то время я так подробно излагал. Зибер всегда сидел на первой скамейке против кафедры, жадно вслушиваясь в слова профессора. Долгое время я с ним не был знаком, но, когда, входя в аудиторию, примечал его милый образ, мне делалось легко и приятно: я видел нечто свое родное, близкое.

Познакомился я с ним уже впоследствии, когда он со своим товарищем Скордели приходил ко мне потолковать о литографировании моих лекций по иностранному государственному праву. Поговорив с ним, я убедился, что недаром считал его таким мыслящим и интеллигентным студентом. Молодой ревнитель своей науки, я очень пожелал обратить Зибера в государствоведа, но его любимым предметом уже тогда была политическая экономия, и мои попытки сбить его с этого пути не могли увенчаться успехом. А политической экономии у нас было у кого поучиться: ее преподавали такие экономисты, как П. Х. Бунге и его талантливый ученик Г. М. Цехановецкий. Воспитавшиеся в классической школе Адама Смита, они чужды были научного догматизма и новые веяния в науке не считали еретичеством, достойным кары. Это делало их особенно симпатичными для студентов, из которых весьма многие отдались изучению экономических наук. В их школе начал свое экономическое воспитание и Н. И. Зибер, к которому с таким вниманием и заботливостью отнесся профессор Бунге, наметивший его в свои стипендиаты.

В 1867 г. Зибер блистательно окончил юридический факультет, но вакантной стипендии не оказалось. Столь ревностно заботившийся о своих учениках Н. Х. доставил Зиберу место мирового посредника в Волынской губернии. Швейцарскому подданному пришлось служить великому русскому делу недолго: его тянуло в университет к любимой науке. Открылась вакантная стипендия; по предложению Бунге она была предоставлена Зиберу. Хорошо знакомый со студенческой скамьи с избранной наукой, Зибер недолго готовился к магистерскому экзамену, который он выдержал, если только память мне не изменяет, уже в 1871 г. Живо я помню этот экзамен. Экзаменовал его профессор Бунге, так как Цехановецкий перешел уже в Харьков.

Вспоминаю при этом те деликатные, благородные приемы экзамена, которыми всегда так отличался профессор Бунге. Припоминаю блестящие ответы Зибера. Экзаменатор предложил ему изложить теорию Маркса, которая была тогда большой новинкой. Я помню, как разгорелись щеки Зибера, когда он стал излагать теорию, которой он сделался горячим последователем. За экзаменом последовала магистерская диссертация «Теория ценности и капитала Давида

Рикардо», которого он впоследствии сопоставлял с Марксом; затем — заграничная командировка, во время которой в Гейдельберге Зибер нашел себе супругу. Этот выбор был обусловлен, может быть, той горячей любовью к науке и жадной изучить ее, которую Н. И. подметил в своей избраннице.

По возвращении в Россию Зибер был выбран штатным доцентом по кафедре политической экономии и статистики, которые он и преподавал до 1875 г., когда окончательно расстался с университетом св. Владимира и поселился в Берне. Это было вполне естественно и вполне соответствовало особенностям природы Зибера. Зибер не мог долго оставаться в той университетской среде, которая сложилась в половине семидесятых годов, когда стали господствовать совместительство и нажива, когда достаток предпочитали таланту, когда научные интересы побледнели и самым ценным качеством человека признавались хитрость и практическая изворотливость.

Завелась даже газета в Киеве, ратовавшая за эту практичность и деловитость. Зибер с некоторыми своими единомышленниками замыслил создать противоядие этой газете, которым и явился «Киевский телеграф», приобретенный супругой профессора Гогоцкого у фон Юнка. Я помню, с каким страстным увлечением относился к этому делу Зибер, но дело не выгорело: не боец с ударами жизни, Зибер не выдержал и бросил свой университет: швейцарский подданный возвратился в свою Швейцарию и поселился в Берне. Но русский душою, он работал здесь для русской науки и работал с той страстностью, которая была свойственна его природе, не жалея своих слабых сил и мало-помалу надламывая их. Достаточно назвать эти работы, чтобы судить, как велик был труд, затраченный на них. Это были: «Очерки первобытной экономической культуры», имевшие три издания: материалы для этого сочинения он, между прочим, собирал в Британском музее в Лондоне; «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях» и два тома мелких статей: том I «Вопросы землевладения и промышленности», том II «Право и политическая экономия».

Работы эти подорвали здоровье: появились симптомы медленного паралича центрального мозга. Симптомы эти усилились в 1881 г. Н. И. переселился в родную Ялту, на берега родного Черного моря, но ни родина, ни заботы сестры и матери не спасли угасающего рыцаря науки: в апреле 1888 г. он успокоился вечным сном. Над его могилой на ялтинском кладбище супруга его поставила памятник, изображающий усеченную мраморную колонну — символ усеченной жизни покойника. Да, нередко родная среда отсекает жизнь мыслящего интеллигентного русского человека, которому иногда приходится отправиться за рубеж, чтобы встретить признание и надлежащую оценку.

Ближе ко мне стоял Назимов, которого считаю себя вправе назвать своим учеником. Уже в студенческие годы я манил его государственным правом, а, оставленный стипендиатом при моей кафедре, он проходил стипендиатский стаж под моим непосредственным руководством: я экзаменовал его на степень магистра, сделав подробную оценку его диссертации в «Журнале Министерства народного просвещения». Он сам признавал себя моим учеником, всегда относясь ко мне как к уважаемому наставнику. Я мечтал о том, чтобы передать Назимову свою кафедру. Преемственность системы и доктрины казалась мне полезной. Но мечтам моим не суждено было сбыться: на мою кафедру назначен был Егиазаров,

а Назимов был назначен в Одессу на кафедру полицейского права, которым он никогда не занимался.

Устав 1884 г. давал министру это широкое право рассаживания русских ученых по кафедрам, не считаясь с их специальностью. В ученой же карьере Назимова этот переход к новому неведомому предмету был обстоятельством неблагоприятным, хотя, прекрасный лектор, он с успехом преподавал и полицейское право. В Демидовском же лицее он преподавал свой родной предмет — государственное право. Там же он написал и свою магистерскую диссертацию «История прусской реакции». Сочинение это — выдающееся. На диспуте я упрекал автора в позитивизме, но кто тогда не болел недугом позитивизма? Статика и динамика Огюста Конта находили себе место даже в курсах римского и уголовного права. Сочинение свое Назимов защитил блистательно. Особенно эффектно была его речь перед диспутом, свидетельствующая о редком даре формулировать изящным и простым словом отвлеченные мысли.

Я хотел похвалить этим трудом русского ученого перед такими авторитетами, как Гнейст и Штейн, и послал им работу Назимова при письме. Я получил скоро от них ответы, преисполненные похвал работе Назимова, с которой, как писали они, познакомил их переводчик. Эти письма-автографы знаменитых немецких ученых я передал покойному Бычкову для включения в богатую коллекцию автографов Императорской публичной библиотеки.

Получив кафедру полицейского права в Новороссийском университете, Назимов обработал свой собственный курс, в котором юридический элемент перевешивал экономический. Он думал и о докторской диссертации, для которой собирал материалы в столичных архивах и, между прочим, в архиве бывшего Третьего отделения, так как темой работы была избрана «История министерства полиции». Не сомневаюсь, что из-под пера даровитого Назимова вышла бы блестящая монография; и сухая, по-видимому, тема получила бы животрепещущий интерес. Под конец своей недолгой жизни Назимов, несмотря на звание исправляющего должность экстраординарного профессора, был назначен деканом юридического факультета Новороссийского университета. Назначение это свидетельствует о большом такте начальства: Назимов был благовоспитанный джентльмен, каковым и должен быть представитель факультета.

В последний раз я видел своего дорогого ученика в августе прошлого года, когда он почти со слезами на глазах кинулся в мои объятия. Никогда не забуду этой сцены, так умилившей меня. Никогда не забуду и нашего горячего разговора. Как будто возвратились старые семидесятые годы и он был моим стипендиатом, а я его руководителем. Думал ли я тогда, что это моя последняя встреча с моим дорогим учеником и что его через год не станет. Почивай же с миром, а я буду доживать свой долгий век, чтобы добрым словом поминать даровитых русских людей.

*Материал предоставлен и подготовлен к публикации
цифровой академической библиотекой «Автограф»
(URL: <http://avtograf-library.ru>)*